

81.63

E-36

ХАКАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н.Ф.КАТАНОВА

ЕЖЕГОДНИК

ИНСТИТУТА СЯНО - АЛТАЙСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ

II

СОЯН - АЛТАЙ ТЮРКОЛОГИЯ ИНСТИТУДУНЫҢ

ЧЫЛ ЧЫЫНДЫЗЫ

АБАКАН 1998

81.63
E-36

**ХАКАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. Ф. КАТАНОВА**

**ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА САЯНО-АЛТАЙСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ
II
СОЯАН - АЛТАЙ ТЮРКОЛОГИЯ ИНСТИТУДЫНЫҢ
ЧЫЛ ЧЫЫНДЫЗЫ**

**Национальная
библиотека
им. Н.Г. Доможакова
Республики Хакасия**

АБАКАН 1998

ДВЕ ДРЕВНЕХАКАССКИХ НАДПИСИ НА ГОРЕ ЛИСИЧЬЕЙ

В Хакасии у северных склонов Батенёвского кряжа есть небольшая долина, к западу открытая в сторону озера Белё. С юга ее закрывает горный массив с вершиной Арамчак (645 м), с севера – с горой Осиновой (708 м), а на востоке стоит гряда с горой Лисичьей (519 м). Между ней и Енисеем проходит шоссе Абакан-Красноярск, через пос. Первомайское (бывший Конезавод № 42; 110 км от Абакана). С юго-востока и востока эти горы огибает р. Карасук, ныне впадающая в залив Красноярского водохранилища. В ее верховьях расположена д. Бейбулук, а к северо-востоку от нее, ближе к горной гряде – целинная д. Заречная. Здесь (в 17 км от Первомайского), южнее главной вершины г. Лисичьей, на обращенных к западу скалистых склонах гряды, тянущейся с севера на юг (рис. 1), в 1986 г. абаканским художником и краеведом В. Ф. Капелько были обнаружены группы различных наскальных изображений, а на одном из выходов камня – две средневековых рунических надписи. В 1989 г. Владимир Феофанович показал это местонахождение мне, за что приношу ему глубокую благодарность. Повторно памятник был обследован в 1991 г. совместно с Л. Р. Кызласовым.

рис. 1

Интересующая нас скальная поверхность является основанием верхнего яруса обнажений и обращена на запад-юго-запад (азимут 250^0). Размеры ее невелики: длина 270, а высота 160 см (рис. 2). На ней – большое количество изображений оленей и волкообразных хищников, выполненных точечной техникой выбивки и, по-видимому, относящихся к тагарской археологической культуре (VII-III вв. до н. э.). Есть и сделанные в ином стиле фигурки козликов. Этот пласт рисунков перекрывают нанесенные позднее крупные антропоморфные воспроизведения, сделанные в линейной манере. Три из них занимают центральную часть плоскости.

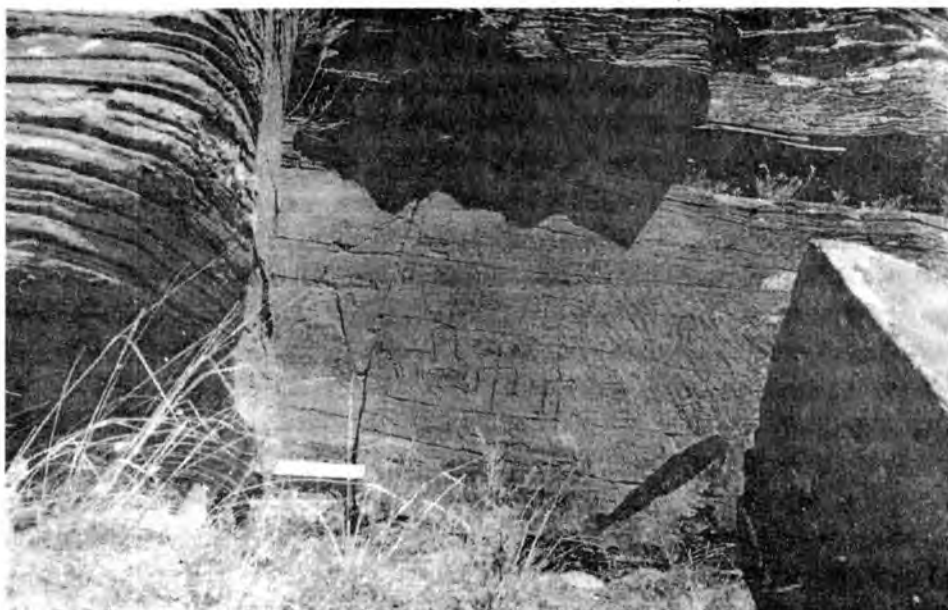

рис. 2

Две, вероятно, независимые друг от друга по содержанию горизонтальные строчки рунических надписей нанесены позднее наскальных рисунков. Размещение их букв явно зависит от расположения соседних зооморфных фигур (рис. 3). Обе строки вырезаны енисейскими знаками (особо показательны руны для b^2 , m , η , n^2), облик которых позволяет датировать надписи IX-X вв. Созданы они тончайшими, очень неглубокими бороздками – их нельзя заметить и прочесть без специального обследования камня. Такая особенность надписей указывает на личное, интимное содержание этих кратких текстов. Об этом же свидетельствует и размещение строк в самой нижней части скальной плоскости – вторая, нижняя строка отстоит от основания камня всего на 25-26 см, а от земли лишь на 46 см. Надписи могли нанести только коленопреклоненные люди. И они не были заинтересованы в прочтении своих писаний посторонними. За прошедшее тысячелетие здесь впервые обнаруживается содержание этих камнеписных текстов.

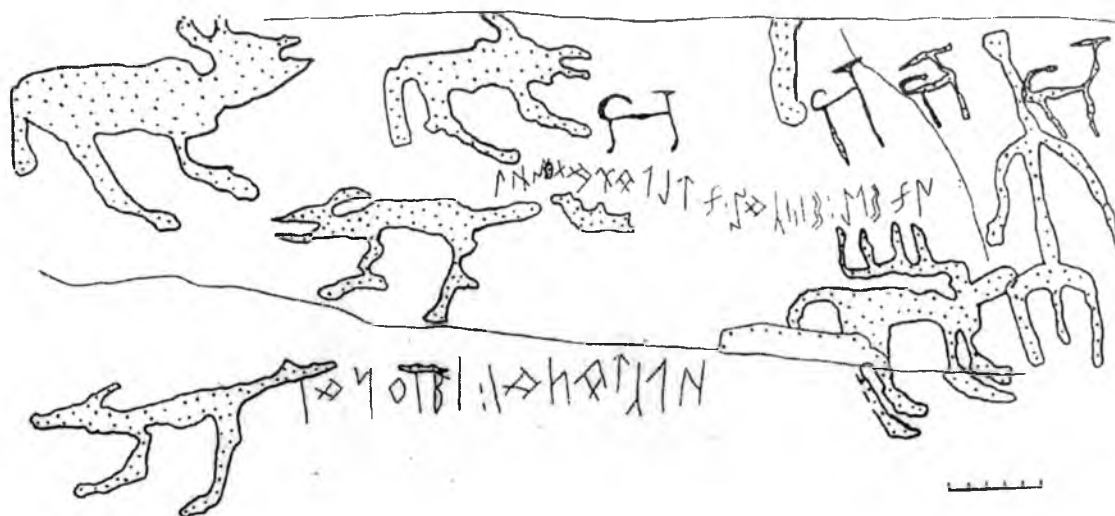

Рис.3

1. Надпись Лисичья I

Надпись выведена прогнутой в середине и выгнутой в конце строкой длиной 23,8 см (рис. 3; 4, 1). Она составлена 23-мя знаками (два из них словоразделители), высота которых убывает справа налево, от начала строки к концу, от 2,1-1,8 до 1,6-1,3 см. Судя по словоразделительным отметкам, размеры знаков соответствуют каждой из смысловых групп слов. Текст читается справа налево.

Транслитерация: $\ddot{o}(\ddot{u})z d^1 p a(\ddot{a}) : d^1 \gamma \check{c} m n^2 : z o q(u q \sim q o / q u) l^1 p b^2 r^2 m d^2 n^2 q \check{i} (i)$

Транскрипция: $\ddot{o}z ad (\ddot{o}z \ddot{u}d) ara : ad \gamma a \check{c} (ad \check{i} \gamma a \check{c}) men : az u q alp berim dink i$

Перевод: Я – Оз Ат(? Озют?)-апа-адгач(?), грешный (буквально: заблудший) витязь, пребывающий в долгу (перед Всевышним (?)).

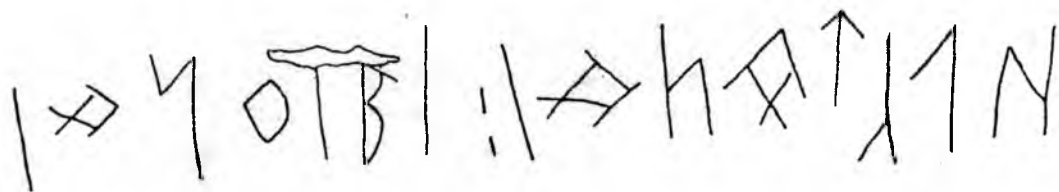
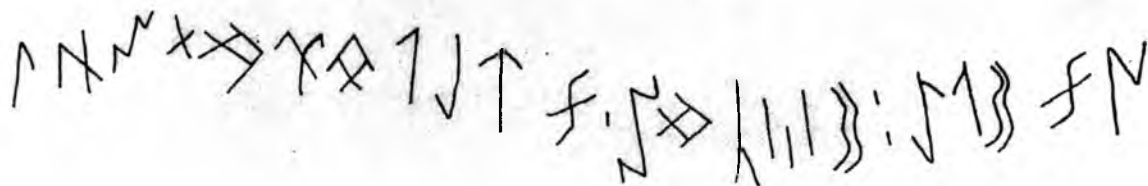

рис. 4

Разбор

1-5. Из этого сочетания букв совершенно ясно только слово, записанное рунами 4 и 5 – ара. Судя по многочисленным случаям употребления в енисейских и орхонских надписях в качестве компонента личных мужских имен, таково обозначение титула или чина, лишь внешне созвучного общетюркскому слову ара со значением «старшая сестра». По мнению Г. Дёрфера, ара – титул высокопоставленного чиновника, предводителя удела «правого фланга» государства (см.: Шервашидзе И. Н., 1990, с. 82). В известных мужских именах ара бывает либо первым (ара tarqan –Тон, 34)¹, либо, чаще, вторым компонентом: qul ara uquu (ThS I C, 4), $\ddot{o}z$ ara tutuq (ThS IV, 7) (Древнетюркский словарь, 1969, с. 47, 395, 464), в енисейских надписях – вторым и последним: $t\ddot{o}r$ ($t\ddot{u}r$) ара (E 11, 1), $k\ddot{u}l\ddot{u}g$ ара (E 20, 2), jul (jula) ара (E 24, 8, 13(9)), $\ddot{o}z$ ара (E 126), $k\ddot{o}l\ddot{u}k$ at ара (Шарбулак II, см.: Шинэхуу М., 1971, тал 139).

Поскольку буква 1 обозначает мягкий гласный, а руна 3 твердый согласный, истолкование этих знаков может быть различным. Исходя из значения последующего слова

¹ В статье применены сокращенные названия письменных памятников, принятые в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969). Две подчеркнутые буквы соответствуют одному знаку оригинала.

(знаки 4-5), а также судя по всей словесной конструкции, записанной первыми 12 знаками надписи и завершающейся личным местоимением 1 лица ед. числа (men), вся первая половина строки содержит многокомпонентное мужское имя. По причине разнорядности примененных знаков 1-3 необходимо видеть здесь два слова: *öz* и *ad*. Слово *öz* означает «сущность; жизнь; сердцевина, сам, свой» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 394, 395) и уже известно в рунических памятниках в качестве первой части личных имен (*öz jigen turan* – Е 5, 2; *öz bilgä* – МЧ, 47), в том числе, как мы видели, и на месте непосредственного предшественника титула ара: *öz ara tutuq* (ThS IV,7), *öz ara* (Е 126). Сложнее истолковать руны 3. Наиболее правдоподобно видеть здесь запись слова *ad* со значением «лошадь». Для такого выбора есть несколько оснований. Во-первых, подобный озвонченный вариант обычного слова *at* уже был отмечен в древнетюркских памятниках (Древнетюркский словарь, 1969, с. 7, 65). Во-вторых, ныне можно указать близкое по форме мужское имя, содержащееся в упоминавшейся наскальной енисейской надписи Шарбулак II, обнаруженной в Монголии – несмотря на утраченные знаки окончания, строка должна читаться *köl(ü)k (a)t (a)pa : bit[(i)d(i)m]* «(Это) я, Кёлюк Ат-апа, написал». Буквальное значение этого титулованного имени – «вьючная лошадь». В-третьих, отмечаемое в данном случае озвончение согласного *t*, очевидно, составляло звуковую особенность речи писавшего, поскольку ее, вероятно, отражает и начертание следующего слова (руна 7). Сказанное позволяет полагать, что записанное на скале имя звучало как *öz ad* и буквально означало «Своя (собственная) лошадь».

Оговорю и другую, с моей точки зрения, менее вероятную возможность истолкования знаков 1-3. Основанием для нее служит орфографическая погрешность, допущенная при написании последнего слова надписи: вместо ожидаемого мягкорядного знака *k* на камне вырезана руна для твердорядного *q* (знак 22). Допустив, что и в рассматриваемом случае *d*¹ использовано вместо *d*², получим вероятность прочтения первого компонента имени как *öz(ü)d/üz(ü)d* – озвонченного варианта слова *özüt/üzüt* «сущность, душа». Подобный компонент мужского имени С. Е. Малов и другие тюркологи видели в рунах восьмой строки памятника Е 42: *öz(ü)t uydi* (Малов С. Е., 1952, с. 77, 78, 111; Древнетюркский словарь, 1969, с. 395). Однако, учитывая более частую для рунических памятников замену твердорядных знаков мягкорядными (особенно характерную для так называемой псевдорунической орфографии) (Кызласов И. Л., 1998), полагаю справедливым иное разделение этих знаков Е 42, предложенное Т. Текином и поддержанное И. В. Кормушиным – *öz toydi* (Tekin T., 1964, p. 135; Кормушин И. В., 1997, с. 163, 167, 168). Получаемое таким образом в Е 42 имя имеет буквальный смысл «Сам родился». Прочтение *özüd* в нашем случае не годится и потому, что указанное применение руны *q* вместо *k* допущено в аффиксе, а не в имени.

7-9. Прочтение этих трех букв, наиболее вероятно, передающих последнюю часть личного мужского имени, также вызывает затруднения. Формально здесь допустимы разные варианты озвучивания знаков и их группировки. Скажем, *(a)d(i)γ* «медведь» и *(a)č* «голодный, алкающий». Но подобное прочтение мало что дает для построения правдоподобного личного имени. Следует учесть, что, как мы видели, в именах собственных, содержащих вслед за компонентом ара еще одну составляющую часть (как в нашей надписи), она является титулом: *öz ara tutuq* (ThS IV, 7), *ara tarqan* (Тон, 34). Хотя известен случай, который может быть трактован как исключение (*qul ara uγuγu* – ThS I С, 4), попробуем применить для объяснения знаков 7-9 именно эту композиционную схему. Читая руны как одно слово *adyač* (или, менее вероятно, *idyič*), можно думать, что перед нами особая причастная форма, образованная присоединением аффикса *=yač* к глагольной основе *ad=* (озвонченному – ср. здесь ситуацию со знаком 3 – варианту от *at=*) «бросать; стрелять;

отгонять, прогонять» (или \dot{id} = «посылать») (Древнетюркский словарь, 1969, с. 7, 65, 217). Обычно аффикс = $\gamma a\check{s}$ / $=qa\check{s}$ (как и форма = $\gamma i\check{s}$ / $=q i\check{s}$) означает орудие, предназначенное для совершения действия, называемого глаголом, реже – процесс такого действия или признак, свойство, способность совершать данное действие (Древнетюркский словарь, 1969, с. 661; Кононов А. Н., 1980, с. 86, § 99; Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З., 1986, с. 109, 110). Именно последняя особенность позволяет видеть в слове $a\dot{\gamma}a\check{s}$ обозначение лица, свойством которого является стрельба (или способность отстранения, отгона кого-либо, при основе \dot{id} =). Такая должность или чин до сих пор не встречались в средневековых тюркоязычных памятниках и предлагаемое истолкование предположительно.

10-11. Личное местоимение 1 лица ед. числа имеет здесь форму men . Эта особенность заслуживает отдельного внимания, поскольку для литературного языка, отраженного енисейскими надписями, в начале слова, содержащего носовые согласные n и η , характерно наличие согласного b . По литературным нормам в тексте ожидалась бы форма ben , а не men . Начальный m в этом случае, согласно наблюдениям В. В. Радлова (1911, S. 438), отличает язык уйгурских рукописей «южных областей» – памятники уйгурского письма из Восточного Туркестана. Предложенная В. В. Радловым систематизация средневековых письменных памятников в языковом отношении принята и поныне (Щербак А. М., 1972, с. 61, 62; Кононов А. Н., 1980, с. 24-29). Можно полагать, что в разговорном языке древних хакасов переход начального b в m произошел (или происходил) уже в эпоху рунического письма. Кроме публикуемого текста местоимение men встречено в восьми древнехакасских эпитафиях, обнаруженных на территории Хакасии, Тувы и Монголии и преимущественно относящихся к IX-X вв. (Кызласов Л. Р., 1960; 1965): E 10, 12; E 28, 7; E 29, 1; E 32, 7, 8, 16, 17; E 45, 10; E 47, 2, 3; E 108, 4; E 147, 1. Дополним этот ряд памятником E 48, 14 (6), в котором форма men выступает как личный показатель (Кормушин И. В., 1997, с. 53, 55, 56, 252-254). Для сравнения отмечу, что в указателе С. Е. Малова (1952, с. 104) форма ben дана для 23 памятников (из которых ныне надо извлечь E 48, но к которым следует добавить еще 5 эпитафии, найденных позднее: E 52, E 61, E 68/2, E 92, E 100). Факты чередования b и m в отмеченной позиции дополняют две енисейские строки Сулекской писаницы, где рядом с правильным литературным написанием $b(e)\eta k\ddot{u} q(a)ja$ «вечная скала» (E 39/1) выведено и $m(e)\eta k\ddot{u} q(a)ja$ (E 39/2). На территории современной Хакасии, откуда шло распространение енисейского письма по Азии, данная диалектная черта встречена как на правом берегу Абакана (E 28, E 29), так и на левом его берегу (E 32, E 48), как в Южной, так и в Северной Хакасии (Лисичья I и E 39/2). Из этого ясно, что находясь вне сферы письменной литературной речи раннего средневековья, « m -диалект» был обычной особенностью разговорного языка тюркоязычного населения долины Среднего Енисея. Следовательно, присущие енисейским текстам языковые нормы сложились в иной языковой среде: то ли на иных землях, то ли в более раннее время. Как известно, орхонский письменный язык весьма близок енисейскому, но и его памятники уже для первой трети VIII в. отмечают употребление формы men (КТ, БК) вместо общей литературной ben (Radloff W., 1911, S. 431, 432).

Личное местоимение завершает в нашем тексте указание имени автора надписи: «Имярек – я». Такая формула совершенно обычна для енисейских эпитафий (E 3, 3; E 11, 1; E 13, 5; E 16, 1; E 19, 1; E 20, 2; E 22, 4; E 32, 7; E 44, 7; E 47, 2-3; E 49, 2; E 51, 1; E 68/2, 1; E 92, 2; E 100, 1; E 149, 1). Иногда она дополняется там вводной частью $er a\dot{i}m$ «(это) мое имя эрагероя» (E 2, 5; E 15, 1; E 29, 1; E 41, 3; E 52, 1; E 53, 1; E 63, 3), однажды – $a\dot{i}m$ «(это) мое имя» (E 1, 2). Встречается она и в надписях иного назначения, в своего рода посетительских

записях, например, четырежды употреблена в строках на ербинском изваянии (Е 37/1) (Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1994, с. 33-39).

13-14. Прилагательное *azuq* «сбившийся с пути, заблудший» образовано от глагола *az=* «сбиваться с пути, терять дорогу; ошибаться, заблуждаться, совращаться» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 72, 74). Производное от этой глагольной основы причастие *azır* «теряя дорогу, потеряв дорогу» встречено в енисейской надписи на горе Куня (Кызласов И. Л., 1994, с. 199, рис. 31), а залоговая форма *azışdım* «я потерял дорогу (жизни) вместе (с моими товарищами и моими сыновьями)» – в чикской эпитафии Е 2, 5 (1) (Кызласов И. Л., 1998а, раздел 3). Разбираемое прилагательное, насколько известно, впервые отмечается в памятнике рунического письма. Здесь оно служит определением к последующему слову *alp* и носит морально-религиозное содержание.

15-16. Весьма употребительное в енисейских надписях слово *alp* «богатырь, витязь, герой», по-видимому, соответствовало высокому воинскому статусу, существовавшему в Древнехакасском государстве. Употребленное здесь в отношении самого автора надписи, это слово указывает на знатное происхождение писавшего, что вполне согласуется и с его многочастным личным именем (сложности прочтения которого – знаки 1-9 – не умаляют факта его специфически аристократического построения). Об этом же говорит и несомненно присутствующий в нем компонент ара.

17-23. Слово *berim* «обложение, платеж, долг» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 96) впервые встречается в памятниках рунического письма и, вероятно, употреблено не в прямом, а в переносном значении. Здесь оно снабжено аффиксом *=dinki*, образующим прилагательные с локальным значением и должно переводиться как «находящийся в обложении (под платежом, в долгу)». Аффикс имеет сложную природу – он состоит из двух частиц: *=din/tin* и *=ki/qi* (Древнетюркский словарь, 1969, с. 661, 665). Вероятно, это осознавалось писавшим и отразилось в орфографии надписи, поскольку частица *=ki* выведена здесь в твердоярдом варианте *=qi* (руны 22-23), независимо от общего звукового строя слова.

Точно определить время создания надписи не представляется возможным: указаний на это в самом тексте нет, отсутствует и изображение личного тамгового знака писавшего. Последнее само по себе может указывать на период позднее рубежа X и XI вв., когда обычай вырезания тамги был оставлен, но в отношении наскальных надписей эта хронология требует подтверждения. Палеографические приметы указывают на относительно позднее енисейское письмо: отводы букв *ö/ü* (знак 1) и *n*² (руна 11) начинаются от концов вертикальных стволов, а у знака *od/ud* (буква 14) размещены у вершины, а не у основания (Кормушин И. В., 1975, с. 40-42). Но ныне связи с абсолютными датами эти черты не имеют. Орфографической особенностью надписи служит нестрогое соблюдение автором рядности составляющих слова знаков. Эта черта, как мы видели, ясно проявилась в написании слова *berimdinki* через твердоярдную руну *q* (знак 22) вместо необходимого знака *k*. Следует обратить внимание на характерную особенность почерка резчика – боковые отводки в буквах *i/i* (знак 23) и *p* (знак 4) не составляют со стволом правильного угла, а отходят от него мягким дугообразным изгибом. Эта манера вырисовывания знаков отличает надпись Лисичья I от II строки памятника, тем самым указывая, что надписи сделаны порознь. О том же свидетельствует и неиспользованный просвет плоскости камня, оставшийся слева от изучаемой строки. Имей вторая надпись прямую смысловую связь с первой, она могла бы быть непосредственным ее продолжением. Если оба наскальных текста и нанесены одним человеком, то сделал он это в разное время.

Несмотря на краткость публикуемой надписи и неясности в прочтении личного имени писавшего, этот памятник имеет довольно важное историко-культурное значение. Наряду с

рядом других наскальных древнехакасских надписей (прежде всего на горе Хая-Бажи, Е 24), она свидетельствует о распространении в бассейне Енисея манихейства, единственной мировой религии, применявшей руническое письмо для своей культовой практики. Именно для идеологии такого уровня присуще понятие греховности человека, как и традиция самоуничтожения верующего перед божеством. Наша надпись указывает, что для средневекового енисейского общества были характерны люди, отличающиеся исканиями, стремлением к самосовершенствованию в рамках определенной религиозно-нравственной доктрины («истинного пути», с которого в суетном мире легко было сбиться). В данном случае писавший аристократ не только осознавал свое личное несовершенство (греховность), но и указывал на некий свой долг. Формально эту часть текста можно понимать двояко.

Первая возможность заключена в прямом терминологическом смысле слова *berim*. В этом случае автор надписи предстает раскаявшимся должником, не имеющим возможности либо вернуть полученные от кого-то материальные ценности, либо вовремя внести господину положенные платежи. Хотя слово *berim* впервые встречается в древнехакасской надписи, другие письменные памятники свидетельствуют о существовании подобных податей, и даже сообщают их местное название. На золотом сосуде, найденном в кургане у с. Копёны, выведена енисейская надпись (Е 81), которую С. В. Киселев читал *b(e)glük küm(ü)š b(e)rt(i)m(i)z* «бегское серебро мы дали» (Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1940, с. 43; Киселев С. В., 1951, с. 602). В этом прочтении следует уточнить понимание первых двух слов: *beglük* означает не «бегское», а «предназначенное бегу»; *kümüş*, написанное на золотом предмете, имеет не буквальный («серебро»), а переносный смысл «кюмюш (кюмюс) – подать, выплачиваемая драгоценными металлами». Все это не противоречит возможности прямого понимания значения слова *berim* в разбираемой надписи. Несмотря на знатность, резчик наскального текста мог быть вассалом более могущественного владыки. Если это так, то, исходя из содержания надписи, неуплата подати почиталась в древнехакасском обществе за грех. Вероятно потому, что нарушала законы жизнеустройства, воспринимавшиеся как данные свыше.

Вторая возможность истолкования текста заключена в переносном значении слова *berim*: долг не в материальном, а в моральном смысле. В свободных работах нет прямых примеров такого употребления самого этого слова, но они есть для другого, составляющего с *berim* синонимичное парное сочетание *ötägči berimči* «должник» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 392). Учитывая, что покаянные наскальные надписи, содержащие самоуничтожение писавшего (а именно к их разряду принадлежит текст Лисичья I), имеют не светское, а духовное назначение и содержание (Кызласов И. Л., 1994, с. 189-191), следует полагать, что и в данном случае второе изложенное истолкование нашего письменного памятника предпочтительнее первого. При этом подходе следует думать, что долги верующего перед богом по представлениям писавшего возникли из-за незаслуженно полученных им горных милостей. Другим доводом в пользу сказанного является содержание соседней наскальной надписи Лисичья II.

1. Надпись Лисичья II

Надпись вырезана в 6,5-8,5 см ниже текста Лисичья I, горизонтальной, слегка понижающейся строкою длиной 22 см (рис. 3; 4, 2). Состоит из 16 письменных знаков, высотой от 3 до 1,2 см (в среднем около 2,5 см). Вершины знаков 11 и 12 повреждены горизонтальным сколом поверхности. Текст читается справа налево.

5 10 15

Транслитерация: qрĉoq(uq)b²t²mš(s) : s(š)öċ(ük)s(š)ŋr¹mš(s)

Транскрипция: qarĉuq (qop ĉoq) bitimiš : söküşŋ arimiš

Перевод: Капчук (или: презреннейший – буквально «совсем презренный») написал (это) (и) твоя хула очистилась.

Разбор

1-4. Можно предложить два варианта прочтения этих знаков, равно вероятные для наскальной надписи, - как одного или двух слов. В первом случае перед нами слово q(a)rĉuq «мешочек» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 420). Орфографически это написание безупречно, но по контексту знаками 1-4 должно быть записано личное имя писавшего. Избрав это прочтение, следует признать, что здесь зафиксировано до сих пор не встречавшееся в раннесредневековых письменных памятниках простонародное имя, лишенное всяких титулов, а разбираемая надпись становится свидетельством грамотности средних слоев древнехакасского общества. Нетитулованное имя с простым буквальным смыслом может быть прочитано в подписи к другой древнехакасской надписи – Е 136 (qulun «жеребенок») (Кызласов И. Л., 1979, с. 280-286; 1994, с. 194, 195, рис. 27), без чинов и званий указаны имена в Е 24/11 (īnaŋ), Е 37/1 (tirgeš), строке в Яр-Хото (esān) (Кызласов И. Л., 1994, с. 191-197, рис. 24, 28, 29).

Вторая возможность прочтения заключается в предположении, что двумя первыми буквами, при пропуске знака для губного гласного, здесь написано слово qop «совсем, совершенно; очень, сильно» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 456). Насколько известно, до сих пор это слово (в полном написании) встретилось в тексте Е 32, 3 в значении «весь» (Малов С. Е., 1952, с. 61, 62, 107). Два других знака (руны 3-4) передают слово ĉoq «низкий, подлый, презренный» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 153), впервые встреченное в енисейской надписи. Будучи именем прилагательным и выступая также в качестве усилительной частицы, здесь оно является определением. В тексте не обозначено определяемое, оно лишь подразумевалось и, исходя из жанрового своеобразия надписи, может быть восстановлено как «раб божий» (Кызласов И. Л., 1994, с. 189, 191).

5-8. Причастие абсолютного прошедшего времени, образованное от глагола biti= «писать» при помощи аффикса =miš. Лишенное личных показателей сказуемости, оно придает фразе определенный обобщенный оттенок, не выделяя писавшего из общей массы грешных последователей некоего вероучения.

9. Словоразделитель применен в надписи для разграничения двух самостоятельных смысловых конструкций.

10-13. Слово söküş «брань, ругательства» до сих пор было известно лишь по памятникам уйгурского и арабского письма (Древнетюркский словарь, 1969, с. 511), здесь оно имеет аффикс принадлежности 2 лица ед. числа =ŋ.

14-16. Глагол arī= «очищаться» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 51) имел и прямое, и переносное, религиозное значение. В надписи он снабжен аффиксом причастия прошедшего времени =miš и выступает в качестве сказуемого.

Орфографическими особенностями надписи служит употребление одной и той же буквы для записи s (знак 10) и š (знаки 8, 13, 16), как в сочетании с мягкими (знаки 8, 10, 13), так и с твердыми (знак 16) гласными, а также, если принять второй вариант прочтения рун 1-4, пропуск губной гласной в слове qop (в двух других словах – ĉoq и sök= - губные также не обозначены специально, т. к. применены знаки слоговой природы). Облик рунических букв надписи лишен архаических особенностей: отводы у знаков 4 и 14 расположены у вершин, а не у основания (oq/uq) или в верхней трети стволов (r¹). Точной даты по этим палеографическим признакам сегодня установить нельзя, нет у текста и тамги. В целом

необходимо сказать, что надпись Лисичья II близка по времени нанесения к строке Лисичья I. Их создатели могли быть современниками. Мелкие особенности обеих надписей позволяют думать, что они нанесены разными людьми: отводок буквы р в строке II (знак 2) образует со стволом правильный угол (ср. сказанное о дугообразности соответствующей части знака р в надписи I). Иначе, чем в строке I (отвод направо – знак 9) в надписи II вырезана буква ċ (знак 3: отвод налево). Расположение обеих надписей на поверхности скалы не оставляет сомнения в том, что они не составляют единого текста. Если читать первые руны текста II как личное имя, то у авторов надписи не только различные имена, но и различное социальное происхождение. И все же нельзя не признать, что облик знаков в этих разрозненных строках схожий: близки q (II, 1 и I, 22), oq/uq (II, 4 и I, 14), b² (II, 5 и I, 17), словоразделительные отметки (II, 9 и I, 6, 12) и, пожалуй, особенно буквы m (II, 7, 15 и I, 10, 19).

Надпись Лисичья II весьма интересна и важна в историко-культурном отношении. Как и в первой строке, лексика здесь отражает несомненный религиозный характер краткого текста (а второй вариант понимания рун 1-4 позволяет отметить и здесь характерную для мировых религий манеру самоуничижения писавшего). Из содержания надписи ясно, что она создана в ознаменование какого-то очистительного обряда, снявшего с резчика последствия произнесенного в его адрес ругательства (söküš). Пожалуй, перед нами первое прямое свидетельство очень серьезного отношения в Древнехакасском государстве к произнесенному слову. Как видим, брань по мнению его жителей могла иметь судьбоносное значение. Вероятно, в надписи речь идет об избавлении от проклятья. О чей брани здесь говорится, узнать невозможно. Но автор граффито, несомненно, осознавал справедливость возведенной на него хулы. Отсюда и сама необходимость замаливания греха перед богом, и ознаменование совершенного очистительного обряда особой надписью на камне. Вероятно, этот человек некогда пограл важные общественные и религиозные установления и был кем-то публично осужден за то произнесением определенной словесной формулы.

Надпись Лисичья II предоставляет сведения и иного рода. Становится совершенно ясна особая роль, обрядовая значимость в раннем средневековье самого акта нанесения наскального текста. Об этом же свидетельствуют и другие вырезанные на горных обнажениях строки, например, Хая-Бажи X: isiz qul bitmiš esän «Недостойный раб (божий) написал (это) – (и стал) здоров» (Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1994, с. 40-44; Кызласов И. Л., 1994, с. 188-194). Очевидно, что в Древнехакасском государстве создание надписи, процесс письма, а значит, и овладения грамотой имел хорошо осознаваемое сакральное значение, расценивался как богоугодное дело.

Наконец, перед нами свидетельство почитания гор и скал. К ним пришел человек для свершения обряда, на них оставил письменное подтверждение содеянного. Весьма показательны, что к одной и той же небольшой плоскости, внешне, казалось бы, ничем не примечательной среди других обнажений камня на горе Лисичьей, люди обращались с молениями неоднократно, дважды оставив соответствующие рунические надписи. Единственное отличие этого скального выхода состоит в имеющихся на нем древних рисунках – остается думать, что именно эта особенность и влекла сюда богомольцев. Почитание средневековыми хакасами писаниц более древних времен неоднократно подтверждено нанесенными на них енисейскими надписями (Е 24/1-15, Е 36/1-3, Е 39/1-2, Е 111 - Е 116, Е 118, Е 124 - Е 126, Е 136, Е 138, Е 144 и др.). Иногда эти строки утверждают, что такие скалы вечны, очевидно, создатели надписей считали писаницы подтверждением богоизбранности горных вершин (о чем также идет речь в наскальных текстах) (Кызласов И. Л., 1994, с. 186, 187, 189, рис. 18, 22).

Учтем и то, что строки на горе Лисичьей не были рассчитаны на восприятие посторонними людьми, носили, как и свершенные здесь моления, глубоко личный характер. Следовательно, и об особой обрядовой роли этого камня, вероятно, было известно немногим.

Нам тоже надо учиться благоговейному отношению к древним памятникам, особому знанию всего, что окружает человека на его родине. И тогда для нас будут заметны тончайшие наскальные резы, сохранившие речи, произнесенные тысячелетие назад, слова, позволяющие постичь сложный духовный мир предков.

SUMMARY The article is the first publication of I. L. Kyzlasov devoted to the two ancient Khakas inscriptions found in 1986 by V. F. Kapelko on the LISICHYA Hill. The author dates these inscriptions as belonging to the 9th or 10th century period. He gives his own deciphering of the inscriptions.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Древнетюркский словарь, 1969. Редакторы: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.
- 2 Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1940. Чаа-тас у села Копёны // Труды Государственного исторического музея, вып. XI. М.
- 3 Киселёв С. В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- 4 Кононов А. Н., 1980. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л.
- 5 Кормушин И. В., 1975. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология, № 2.
- 6 Кормушин И. В., 1997. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.
- 7 Кызласов Л. Р., 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология, № 3.
- 8 Кызласов Л. Р., 1965. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, № 3.
- 9 Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1994. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // Российская археология, № 1.
- 10 Кызласов И. Л., 1979. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // Советская археология, № 3.
- 11 Кызласов И. Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.
- 12 Кызласов И. Л., 1998. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и младшего орхонского письма // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М. (в печати).
- 13 Кызласов И. Л., 1998а. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология, № 2.
- 14 Малов С. Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.-Л.
- 15 Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З., 1986. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.
- 16 Шервашидзе И. Н., 1990. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // Вопросы языкознания, № 3.
- 17 Шинэхуу М., 1971. Даривын эртний турэг бичээс // Монголын эртний туухсоёлын зарим асуудал (Studia Archeologica, t. V, fasc. 3-13). Улаанбаатар.
- 18 Щербак А. М., 1972. В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. 1971. М.
- 19 Radloff W., 1911. Alttürkische Studien. V // Известия Академии наук, сер. VI. СПб.
- 20 Tekin T., 1964. On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions // Ural-Altische Jahrbücher. Vol. 35, fasc. B. Wiesbaden.

СОДЕРЖАНИЕ

Торосов В. М. О свободной экономической зоне (СЭЗ) «Хакасия» как проекте возрождения экономики республики.....	3
---	---

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Шулбаев О. П. К вопросу о хакасской орфографии.....	11
Боргоякова М. А. О состоянии изучения диалектов хакасского языка.....	20
Торокова И. С. Синонимы хакасского языка (на материале лексической синонимии глаголов).....	26
Боргояков В. А. Табу и эвфемизмы в охотничьем промысле хакасов.....	31
Асочакова И. Л. Модальные конструкции долженствования в хакасском языке.....	33
Чебодаева Л. И. Эллиптические предложения в современном хакасском языке.....	39
Чебодаева Л. И. О вставных конструкциях хакасского языка.....	42
Черткова М. С. Синтаксис русского словосочетания в сопоставлении с хакасским.....	47
Бурмистров И. Ю. Становление исторической фонемологии славянских языков от протославянского до русского как самостоятельной научной и учебной дисциплины.....	51
Мальцева В. М. Кетские и самодийские топонимы юга Красноярского края.....	55

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Таскаракова Н. Н., Томочакова А. Д. Таторованыц «Аат табызы» повезінде чир= чайаанныц омазы.....	60
Бондаренко Г. Л. Христианские мотивы в сказочной повести В. А. Каверина «Вершок» (К 95-летию со дня рождения писателя).....	65

ИСТОРИЯ

Шекшеев А. П. Россия и Южная Сибирь: начало общей судьбы (К 290-летию вхождения Хакасии в состав России).....	70
Кызласов И. Л. Выбор предков.....	84
Шулбаев О. Н. Проблемы изучения декабризма и современность (К вопросу о пребывании декабристов в Минусинском уезде).....	88
Воронов И. И. К истории организованного переселения в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы (1906-1917 гг.).....	93
Шекшеев А. И. Об одной из форм советской карательной политики в Хакасии (начало 20-х гг.).....	96
Карачаков Д. М. Проблема формирования индустриальных кадров национальных районов Сибири в научно-исследовательских программах последнего десятилетия.....	100
Карачаков Д. М. Формирование территориально-производственных комплексов в национальных районах Сибири: расчеты и реальность.....	107
Готлиб А. И. Из истории исследования горных сооружений – «Све» в Минусинской котловине.....	114
Зубков В. С. О соотношении тесинских склепов и грунтовых могил (по материалам могильника Чалпан).....	123

Котожеков К. Г. Каменный век раннего голоцена Хакасско-Минусинской котловины (некоторые итоги и проблемы).....	131
Кызласов И. Л. Две древнехакасские надписи на горе Лисичьей.....	140

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ, МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ

Боргояков С. А., Боргоякова Т. Н. Некоторые проблемы развития национального школьного образования.....	150
Плюхин В. И. Региональное литературоведение и критика в системе непрерывной подготовки учителя филологии (К проблеме гуманизации интегративных знаний).....	160
Анжиганова Л. В. Актуальные проблемы исследования мировоззрения хакасов конца XX века.....	167
Чаркова М. И. Учет этнического фактора в современном образовании.....	176
Боргоякова М. П. К вопросу об изучении хакасского народного этикета.....	179
Ултургашева И. Т. Вопросы сохранения и перспективы развития традиционной народной культуры.....	182
Баранова Н. К. Развитие творческих способностей студентов ИСАТ на занятиях по методике музыкального воспитания.....	184
Гончаров А. М., Ултургашева О. Г. Психологические и лингво-методические предпосылки усвоения школьного курса синтаксиса.....	188
Толмашов А. Г. Задачи комбинаторного характера в начальной школе.....	192
Бурак С. С. Активизация познавательной деятельности учащихся на уроках чтения в начальной школе.....	196
Карамчаков А. Н. Некоторые приемы формирования навыка произношения согласного «н».....	201

ПЕРСОНАЛИИ

Чанков Д. И., Чебодаева Л. И. Ольга Гавриловна Ултургашева (50 чазына).....	204
Антонов В. П. Юрий Яковлевич Бурмистрович (К 60-летию со дня рождения).....	205
Ултургашев С. П. Памяти профессора Мешалкина Петра Николаевича.....	208

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Шекшеев А. П. Неизвестные страницы истории сибирского крестьянства.....	212
Кабелькова М. Т., Карачаков Д. М. Новая научная книга по традиционному мировоззрению хакасов.....	215